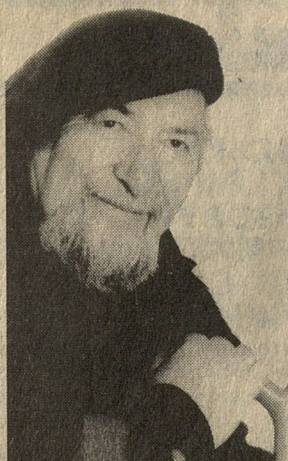

ЭТОТ — НАВСЕГДА

Журналист Леонид Бабушкин — многолетний пишущий и снимающий "Пимен" ЦДРИ — Центрального Дома работников искусств. Сам себя он называет "цидрейтором". За долгие годы у Леонида Семеновича скопилась огромная коллекция уникальных фотоснимков и историй, услышанных на актерских посиделках. Все это стало основой для нескольких книг, сотен газетных и журнальных публикаций. А сейчас своего издателя ждет очередной сборник веселых и поучительных рассказов о великих и знаменитых — "Записки цидрейтора". Орывок из этой книги, посвященный Аркадию Райкину, мы предлагаем вниманию наших читателей.

Слово Утесова

В октябре 1939 года в Москве проходил первый Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Два члена жюри, два приятеля — Исаак Дунаевский и Леонид Утесов, заскучав от однообразия конкурсантов, решили скрасить свое пребывание за судейским столом игрой-угадашкой: сколько времени тот или иной претендент удержится на эстрадном плаву? Дунаевский задавал вопрос, Утесов отвечал.

— Этот надолго?

— На год!

— А этот?

— Пожалуй, пару лет продержится.

И тут на сцену вышел очередной искатель счастья. "Аркадий Райкин", — объявил ведущий. Молодой человек показал три интермедии на тему пушкинского "Узника", изобразил забавного малыша, а затем шаркающей походкой пошел за кулисы, напевая песенку из чаплинских "Новых времен".

— Ну, а этот? — спросил Дунаевский.

И мудрый Утесов, прошедший школу цирка, оперетты и драматического искусства, знавший, что значит умение артиста владеть своим телом, мгновенно перевоплощаться и излучать море обаяния, коротко ответил:

— Этот — навсегда!

Это чайка или гусь?

История умеет шутить, но по-своему. Одно время по Москве ходили слухи, что Малый театр должен слиться с Художественным. Каждый из титанов боролся за свои приоритеты и настаивал, чтобы на вывеске нового театра было отражено именно его бывшее название. В конце концов решили, что объединенный творческий коллектив должен именоваться "МалоХудожественный театр". Вероятно, шутка достигла Северной Пальмиры. Лавры и символика МХАТа не давали покоя Ленинградскому театру миниатюр, и он решил обзавестись собственным символом. На занавесе театра появилась необычная птица — получайка-полугусь — и четыре буквы — МХЭТ. Они воскрешали в сознании зрителя МХАТ, но расшифровывались как Малый художественный эстрадный театр.

В этом театре Аркадий Райкин играл, конферировал, пел, дирижировал оркестром, подбирал актеров и репертуар.

Характер

В нем никогда не могли мирно ужиться режиссер и актер. Режиссер должен был приглашать в театр талантливых артистов. Актер-премьер не мог вытерпеть даже намек на соперничество.

Любопытный случай произошел

с Вадимом Деренковым. Не разглядел режиссер, что уж больно талантлив новичок. И ростом невелик, и на вид неказистый, а хохот мог вызывать гомерический. Видимо, случайно? Текст дали слишком смешной? Вручили другой текст, совсем не смешной, чуть ли не передовицу "Правды". А зрители опять смеются, животы надрывают. Ну, что тут можно поделать? Только расстаться — "по собственному желанию".

То же самое — с другим артистом, Борисом Сичкиным. Пока шла репетиция (и не совсем удачно), все было хорошо. Но как только состоялась премьера, где Борис выдал "на гора", у мэтра сразу испортилось настроение, и снова — "по собственному желанию".

Просто тост

На банкете по случаю вручения Аркадию Райкину Золотой Звезды Героя Социалистического Труда было много тостов — теплых, торжественных, шуточных. Один из них, кажется, особенно развеселил Мастера. Тост этот мало кто запомнил, но у меня сохранился текст:

Стрелы блещут за плечами.

Топчет конь степную ширь.

Это скачет Рабинович —

Славный русский богатырь.

Шапка золотом расшита,

Меч горит, как бирюза.

Для Отчизны он защита,

Для обидчиков — гроза.

Выйдет в поле —

жнет и пашет.

Выйдет в город — там народ:

Рабинович! Хлеба! Каши!

Всех накормит, всем нальет.

Но сограждане упрямы.

Несмотря на славный труд,

Все равно жидовской мордой

Рабиновича зовут!

Великому — от великого

Махмуд Эсамбаев рассказывал:

— В 1957 году я приехал в Москву, а тут — Всесоюзный конкурс. Решил рискнуть — и стал лауреатом. На заключительном концерте в Театре эстрады танцевал, как на крыльях, на седьмом небе был от счастья. А после концерта подошел Райкин и подарил мне свою книгу. С надписью. Открываю, читаю — и глазам своим не верю: "Великому артисту Махмуду Эсамбаеву. Счастлив, что могу с ним дружить". Бегу за ним, кричу: — Товарищ Райкин...

По имени называть неудобно, хотя имя его знал, а какое отчество — Исаакович — я даже не подозревал. Догадал. Говорю:

— Дайте мне другую книгу.

— А что тебя не устраивает?

— Слово "великому".

— Ничего, — говорит Райкин, —

Я это сказал просто на пять минут раньше других. Потом скажут все остальные.

Фото автора.

Аркадий Райкин и Леонид Утесов. 1981.

На сцене ЦДРИ.
11 декабря 1981 года.

Его называли человеком с тысячею лиц.